

Елена Осокина

За фасадом
«СТАЛИНСКОГО
ИЗОБИЛИЯ»

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И РЫНОК
В СНАБЖЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ
В ГОДЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

1927–1941

Новое
Литературное
Обозрение

2 0 2 2

УДК 336.743.22(091)(47+57)«1927/1941»

ББК 65.26-03(2)621

О-75

**Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA**

*С. Абашин, Е. Анисимов, О. Будницкий, А. Зорин, А. Каменский,
Б. Колоницкий, А. Миллер, Е. Правилова, Ю. Слёзкин, Р. Уортман*

Редактор серии *И. Жданова*

Осокина, Е.

О-75 За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 / Елена Осокина. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 424 с.: ил. (Серия Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-1785-8

Парадокс полупустых магазинов и полных холодильников отмечал буквально каждый приезжавший в СССР в годы социалистического застоя. Загадка имеет простое объяснение. Государственная торговля при социализме никогда не была единственным источником снабжения населения. В стране всегда существовал обширный легальный и подпольный рынок товаров и услуг. Эта книга возвращает читателя к истокам социалистической торговли, в легендарные первые пятилетки. В центре внимания — повседневная жизнь общества в условиях огосударствления экономики, разрушения и возрождения рынка. Книга написана на ранее закрытых архивных материалах, включая и документы архива ОГПУ/НКВД. Третье издание книги дополнено историографическими обзорами современных исследований. Елена Александровна Осокина — доктор исторических наук, профессор Университета Южной Каролины. Закончила исторический факультет МГУ. Многие годы работала в Москве в Институте российской истории Российской академии наук. Автор вышедших в «НЛО» книг «Алхимия советской индустриализации», «Небесная голубизна ангельских одежд», «Золото для индустриализации». Лауреат премии «Просветитель» (2019) и Макариевской премии (2019).

УДК 336.743.22(091)(47+57)«1927/1941»

ББК 65.26-03(2)621

В оформлении обложки использована картина И.И. Машкова «Советские хлебы», 1936 г. © Волгоградский музей изобразительных искусств им. И.И. Машкова, 2021 год

© Е. Осокина, 2022

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2022

© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

Памяти Сергея Семичева

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к третьему изданию	8
О чем эта книга	11

Часть I. Разрушение рынка: 1927–1930

Глава 1. Карточки и голод — почему?	27
<i>На чем покоилось благополучие нэпа</i>	27
<i>В тисках товарного дефицита</i>	35
Глава 2. 1927/28: Первый удар по рынку — первые карточки	42
<i>Провал экономической программы Политбюро</i>	42
<i>Начало массовых репрессий против частника</i>	51
Глава 3. 1928/29: Наступление на рынок продолжается	60
<i>Старые проблемы в новом году</i>	60
<i>Политбюро вводит всесоюзную карточную систему на хлеб</i>	69
Глава 4. 1929/30: «Головокружение от... голода»	78
<i>Коллективизация и другие причины ухудшения положения</i>	78
<i>Продовольственный кризис в городах</i>	84
<i>Народ возмущается — ОГПУ ищет виновных</i>	92

Часть II. Неизбежность рынка: 1931–1935

Глава 1. Всесоюзная карточная система — кнут и пряник индустриального курса	103
<i>Кто не работает на государство, тот не ест</i>	103
<i>Спецснабжение: «Государство — это я»</i>	119
<i>Иерархия магазинов, столовых и цен</i>	134
Глава 2. Иерархия в бедности	140
<i>Голод в деревне</i>	140
<i>Иллюзорные привилегии индустриального авангарда</i>	149
<i>Материальное положение элиты</i>	158
<i>«Трудно привыкать к социализму»: иностранцы в иерархии бедных</i>	172

Глава 3. Стратегия выживания и стихия рынка	178
<i>Барахолка, «мертвые души», «прихлебатели»,</i> <i>«несуны» и другие</i>	178
<i>«Днепрострои капустного производства»</i>	187
<i>Мимикрия частного предпринимательства</i>	197
<i>За зеркальной дверью Торгсина</i>	207

Часть III. Союз распределения и рынка: 1936–1941

Глава 1. Наступление эры «свободной» торговли	225
<i>От аскетизма к наслаждению жизнью:</i> <i>дискуссии о причинах, целях и природе нового курса</i>	225
<i>Прощай, хлебная карточка, и... здравствуй!</i>	232
<i>Свободная торговля? — Распределение!</i>	246
<i>Индустриализация и благосостояние населения: дискуссии</i>	262
Глава 2. Кризисы снабжения — моменты истины социалистической торговли	267
<i>1936/37: легенда о мешке с хлебом</i>	267
<i>1939–1941: «Опять чья-то преступная лапа</i> <i>расстроила снабжение...»</i>	285
Глава 3. Предпринимательство и рынок в эру «свободной» торговли	304
<i>Подпольные миллионеры социалистической экономики</i>	304
<i>«Если хорошо постоять в очереди,</i> <i>то можно и не работать»</i>	317
Заключение	329

Приложения

Россия и мировой опыт государственного регулирования снабжения (Приложение к части II, главе 1)	338
Историография: план и рынок	351
Источники: «Совершенно секретно»	384
Таблицы	396
Библиография	405
Список сокращений	416
Указатель имен	418

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Эта книга — результат двух эпохальных событий: архивной революции, которая открыла доступ к документам сталинского времени, и бурных споров о выборе пути России при ее расставании с социалистической экономикой. Книга написана в 1990-е годы — время «шоковой терапии» президента Ельцина и его «младоэкономистов». Много копий было сломано тогда в дебатах о рынке. Начало работы над книгой было временем рыночных надежд, тогда как ее окончание — временем разочарований.

Характер эпохи Ельцина — переход к рыночной экономике — определил главный фокус книги, а также ее структуру. Об этом свидетельствуют названия основных частей: «Разрушение рынка: 1927–1930», «Неизбежность рынка: 1931–1935» и «Союз распределения и рынка: 1936–1941». Читая книгу, вы, возможно, почувствуете не только разлом сталинских 1930-х, но и настроения рыночного перепутья 1990-х.

Прошло более двадцати лет после выхода первого издания книги, но споры о рынке в России остаются актуальными. И дело не только в том, что российский капитализм оказался совсем не тем, что ожидали люди 1980–1990-х годов. Со временем проблема рынка приобрела научно-историческое значение. Если в 1990-е годы, когда я писала эту книгу, актуальность темы «план и рынок» определялась спорами об экономическом будущем России, то сейчас идут дебаты о ее социалистическом прошлом. Чем была советская экономика? Традиционно считалось, что в ней царил план, а рынка не было; сейчас же существование плана в социалистической экономике поставлено под сомнение, а наличие в ней предпринимательства и рынка находит в исследованиях все больше доказательств.

Эта книга стала первым специальным и документированным исследованием, которое показало, почему и как рыночные

отношения развивались при советском социализме. Книга опровергла один из мифов, утверждавший, что «при Сталине народ боялся и был порядок». Рынок, легальный и черный, развивался главным образом инициативой и энергией людей, которые стремились выжить или улучшить свое материальное положение в экономике хронического дефицита, кризисов снабжения, карточек и рецидивов голода. Открытие вездесущего рынка в социалистической экономике стало одним из важнейших достижений современной историографии.

Работа над книгой заняла около десяти лет — она стала моей докторской диссертацией, ее выводы были продуманны. Прошедшие десятилетия не изменили моих концептуальных взглядов на проблему взаимодействия плана и рынка в жизни 1930-х. Однако наука не стоит на месте, поэтому в данном издании появились новые историографические обзоры современных исследований.

Книга выдержала проверку временем, и судьба ее сложилась счастливо. Выходит третье издание. Книга переведена на английский и итальянский языки¹.

Не могу отказать себе в удовольствии еще раз назвать и поблагодарить коллег, которые в 1990-е годы прочитали рукопись и сделали важные замечания: Ю.П. Бокарева, Ю.С. Борисову, М.А. Вылцана, Сару Дэвис, С.В. Журавлева, В.В. Кабанова, Тамару Кондратьеву, Н.Л. Кременцова, С.А. Павлюченкова, Жака Сапира, А.К. Соколова, О.В. Хлевнюка, а также историка Москвы В.А. Любартовича за замечания, сделанные при подготовке третьего издания книги. Время неумолимо, многих из них уже нет с нами.

Благодарю ученых университетов и институтов России, Великобритании, Германии, Канады, США, Финляндии и Франции, приглашавших меня сделать доклады по теме этой книги и принявших участие в их обсуждении.

Моя неизменная признательность всем работникам архивов, но особенно сотрудникам «читального зала в хранилище»

¹ *Osokina E.* Our Daily Bread. Socialist Distribution and the Art of Survival in Stalin's Russia, 1927–1941. New York; London, 2001; *Eadem.* Dietro l'eguaglianza. Consumi e strategie di sopravvivenza nella Russia di Stalin, 1927–1941. Rome, 2019.

Российского государственного архива экономики, где и началось это исследование.

Благодарю Андрея Константиновича Сорокина и сотрудников издательства РОССПЭН, которые дали этой книге путевку в жизнь.

Моя особая признательность — Ирине Дмитриевне Прохоровой и «Новому литературному обозрению» за интерес к моим работам и предложение переиздать книгу.

Мне исключительно повезло с редактором, Татьяной Тимковой, которую я также сердечно благодарю.

Эту книгу я посвятила памяти мужа, Сергея Витальевича Семичева.

Судьба связывала нас без малого двадцать лет.

О ЧЕМ ЭТА КНИГА

Каждому человеку приходится заниматься покупкой продуктов, одежды, предметов домашнего обихода и прочего имущества, необходимого для жизни. В обществах рыночной экономики это занятие не составляет проблемы и даже превратилось в особый вид досуга и развлечения: были бы деньги, а товаров сколько душе угодно. Покупатель, живущий в условиях рыночной экономики, не ищет, где купить нужный товар, он, как правило, ищет, где купить его дешевле. Иначе обстояло дело в социалистической экономике в СССР.

Ныне живет несколько поколений россиян, в том числе и мое поколение, которые знают о социалистической торговле не понаслышке, не из архивных документов, а из собственного жизненного опыта. Даже в период зрелости планового социалистического хозяйства — в годы брежневского застоя — наличие денег не было достаточным условием для покупки: полупустые полки магазинов, скудный ассортимент, низкое качество. Покупка превращалась в добывание товаров. Слово «купить» в быту заменялось словом «достать». «Где достал?» — этот короткий вопрос был многозначен. В ответе на него предполагалось указать не только магазин, куда завезли дефицитный товар, но и то, через каких друзей и знакомых смог получить его или сколько часов отстоял в очереди, сколько переплатил за товар и многое другое. В наших квартирах еще остались вещи — мебель, посуда, одежда, которые приходилось не покупать, а добывать через знакомых или в длинных очередях.

Поколения, жившие при социалистической торговле, помнят и другое. Даже в голодные 1930-е, военные 1940-е и тяжелые послевоенные годы люди обеспечивали себя необходимым, несмотря на плохое государственное снабжение,

а в последующие, более благополучные десятилетия при полупустых магазинах неплохо одевались, устраивали празднества и застолья — домашние холодильники не стояли пустыми. Люди старшего поколения часто приводят это в доказательство преимущества планового социалистического хозяйства над рыночным. Парадокс полупустых магазинов и полных холодильников отмечал буквально каждый приезжавший в СССР в годы брежневского застоя. Загадка имеет простое объяснение. Государственная торговля в социалистической экономике никогда не являлась единственным источником снабжения населения. Наряду с плановым централизованным распределением товаров, которое составляло суть государственной торговли, в стране существовал обширный легальный и черный рынок товаров и услуг¹.

Рынок в плановом хозяйстве не составлял автономной, независимо развивавшейся системы отношений. Он никогда не существовал рядом с плановой распределительной экономикой, но развивался в органическом единстве с ней. Исправляя огрехи и заполняя прорехи централизованного распределения, рынок приспособлялся к существовавшей системе экономических отношений, более того — использовал ее. Рынок превратился в неотъемлемую часть социалистического хозяйства. В этом союзе планового централизованного распределения и рынка

¹ Термины «советская торговля» и «социалистическая торговля» используются в этой книге для обозначения всей совокупности форм товарооборота в рассматриваемый период. Эти термины включают не только централизованное распределение, но и рынок во всех его проявлениях, так как, с точки зрения автора, рынок составлял неотъемлемую часть социалистической экономики. Термин «централизованное распределение» обозначает в книге государственно-кооперативную торговлю, то есть систему планового государственного снабжения. В отождествлении государственно-кооперативной торговли с централизованным распределением есть определенное упрощение, так как и в ней существовали элементы рыночных отношений. Однако, с точки зрения автора, такое упрощение допустимо потому, что централизованное распределение составляло суть системы снабжения, в которой заправляло государство. Термин «рынок» в книге представляет отношения, остававшиеся преимущественно вне сферы государственного планирования и регулирования. Этот термин включает как крестьянскую/колхозную рыночную торговлю, черный рынок, бартер, так и рыночные отношения, скрывавшиеся за фасадом государственно-кооперативной торговли.

обе стороны зависели друг от друга, влияли друг на друга и не могли существовать друг без друга¹.

Признание того, что торговля в социалистической экономике представляла своеобразный симбиоз централизованного распределения и рынка, позволяет понять, почему и как люди выживали в условиях хронических кризисов снабжения, обеспечивали себя необходимым, когда полки магазинов были пусты, и даже становились «миллионерами» в социалистической экономике.

Советская социалистическая торговля стала достоянием истории. Современная экономическая ситуация в России в результате демонтажа централизованного хозяйства и развития рыночных отношений изменилась. Проблем с покупкой продуктов и вещей больше не существует, были бы деньги. Люди привыкли к новой ситуации и постепенно забывают свое экономическое прошлое. Пришло время историков объяснить его.

Эта книга предлагает вернуться к истокам социалистической торговли и понять, почему и как сложился симбиоз централизованного распределения и рынка, в чем состояло своеобразие рынка в социалистической экономике, как сосуществовали и взаимодействовали в рамках планового хозяйства распределение и рынок, какую роль играли они в снабжении населения. Следует, однако, подчеркнуть, что эта книга не экономическое, а историческое исследование. Экономические механизмы не являются здесь главным предметом анализа. В центре внимания повседневная жизнь общества времен первых пятилеток в условиях огосударствления экономики, разрушения и возрождения рынка. Взаимодействие централизованного распределения и рынка показано в книге через действия власти и людей.

Потребительский рынок являлся сферой экономики и жизни, которая наиболее сильно пострадала в результате форсированного развития тяжелой индустрии и насильственной коллективизации в годы первых пятилеток. Цель этой книги — показать социалистическую торговлю такой, какой она была в реальности, за декоративным фасадом плакатов, рекламы, фильмов

¹ В рамках рыночной (капиталистической) экономики также существует своеобразный союз государственного регулирования и рынка, однако соотношение этих элементов и условия их развития в рыночной экономике иные.

и прочей пропаганды, формировавшей у поколений советских людей миф о благополучии и даже изобилии, якобы существовавших при Сталине¹.

Централизованное распределение и рынок сосуществовали в торговле на всем протяжении советской истории, но первые предвоенные пятилетки — хронологические рамки этой книги — представляют особый этап. Предшествующие им годы советской власти были временем господства частника и рынка в торговле². Централизованное государственное распределение

¹ Примеров подобной пропаганды достаточно. Это художественные фильмы 1930-х годов, которые создают атмосферу радостной и благополучной жизни; ни в одном нет реальностей быта того времени, застолья составляют важную часть многих из них. Другой пример — изобразительное искусство. Советские художники создали не только индустриальный пейзаж (абсурдное по сути название), но и особый советский натюрморт. Главным в нем стало выражение общественного содержания и бытовых функций предмета. Натюрморт превращался в «активное средство пропаганды задач партии и социалистического строительства». Приведу для примера хотя бы творчество Б.Н. Яковлева, художника большого таланта. Наряду с классическими натюрмортами, лиричными и изысканными, у него есть и иные полотна. Картина «Что дает соя» (1931) показывает разнообразие продуктов, которые можно получить из этого растения, и «помогает пропаганде одной из задач партии в области реконструкции сельского хозяйства». Картина с передвижной выставкой путешествовала по колхозам, представляя средство наглядной агитации. Кисти Яковлева принадлежит и картина «Советские консервы» (1939. Государственная Третьяковская галерея). Не исключено, что в момент создания она называлась «Сталинские консервы». Хотя изобилие, которое представляет эта картина, может показаться скромным, сам выбор сюжета для художественного полотна знаменателен. Эта картина скорее реклама: банки со снедью призваны были показать успехи советской консервной промышленности, созданной в 1930-е годы. Яковлеву принадлежит и картина «Советское вино» (1939. Государственный художественный музей. Кишинев). Знаменательна также картина И.И. Машкова «Советские хлеба» (1936. Волгоградский музей изобразительных искусств). Но, наверно, наилучшим примером декоративного фасада, скрывавшего реальную экономическую ситуацию, являлась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (ВСХВ, позднее ВДНХ), открытая в 1939 году. Неудивительно, что в своем первоизданном виде она закончила существование вместе с политическим строем и экономикой, породившими ее.

² В период Гражданской войны и военного коммунизма легальная частная торговля была ограничена, но в стране существовал обширный нелегальный рынок. По подсчетам Л.Н. Крицмана, несмотря на реквизиции хлеба у крестьян, весной 1919 года государственное снабжение обеспечивало только 20–30% потребления хлеба в городах, а в целом в 1918–1919 — около 40%, остальное поступало нелегальными путями через рынок (Крицман Л. Героический период великой русской революции (Опыт анализа т.н. «военного

товаров еще только начинало свое становление¹. С началом индустриализации, с конца 1920-х годов, соотношение централизованного распределения и рынка стало быстро меняться. Стремясь к монопольному распоряжению ресурсами, сталинское Политбюро удар за ударом уничтожало частный сектор в стране. Были запрещены частные производство и торговля в городе (кроме индивидуальной кустарной деятельности и мелочной торговли), проведена насильственная коллективизация крестьянских хозяйств. В результате экономических мер и репрессий централизованная экономика стала господствующей, система рыночных отношений, существовавшая в предшествующие годы, разрушена. Началась эпоха социалистической торговли, где государству отводилась основная роль.

Последствия разрушения рынка и избиения частника не замедлили сказаться. 1926 год стал последним благополучным годом, завершившим цепочку нэповских лет. С 1927 года в стране

коммунизма»). М.; Л., 1926. С. 137–138). Во время нэпа частник продолжал господствовать в розничной торговле. Это была главная сфера действия частного капитала (см., например: *Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: Власть и массы*. М., 1997; *Дмитренко В. П. Торговая политика советского государства после перехода к нэпу. 1921–1924*; *Banerji A. Merchants and Markets in Revolutionary Russia, 1917–30*. N. Y., 1997; *Hessler J. A Social History of Soviet Trade. Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953*. Princeton; Oxford, 2004). Преобладание частника и рынка в торговле периода военного коммунизма основывалось на существовании единоличного крестьянского хозяйства и сохранении многих традиций торговли дореволюционного времени. В период нэпа к этому добавился еще один фактор — предоставление экономической свободы частным торговцам.

¹ В годы военного коммунизма централизованное государственное распределение представляли продрозверстка и карточная система снабжения. Подробно о карточках периода Гражданской войны читай в главе «Россия и мировой опыт государственного регулирования снабжения» в этой книге. Начало собственно планирования в торговле относится к периоду нэпа, четвертому кварталу 1924/25 года. Планы завоза в тот год были составлены только для трех районов (Украина, Северный Кавказ, Поволжье) и только по отдельным товарам. Первым планом завоза для всех районов СССР стал план второго квартала 1925/26 года. Вначале планы охватывали лишь немногие показатели торговли, оставляя свободу действий для сбытовых объединений промышленности и торговых организаций. С разработкой первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, частью которого был и торговый план, охват планированием показателей торговли резко расширился и далее все возрастал (*Нейман Г. Я. Советская торговля СССР*. М., 1935. С. 142–143; *Рубинштейн Г. Л. Развитие внутренней торговли в СССР*. Л., 1964. С. 253–259 и др.).

развивался товарный кризис, нормирование. В 1928 году по всей стране распространились хлебные карточки. Страна шла к голоду. Об этом повествует первая часть книги — «Разрушение рынка», которая охватывает период с кризиса хлебозаготовок 1927/28 года¹ до введения в 1931 году всесоюзной карточной системы на основные продукты и товары.

К началу 1930-х годов в результате экономических мер и репрессий легальное рыночное пространство резко сузилось, но рынок не исчез. Он стал приспосабливаться к новой ситуации в стране. Восстановление и трансформация рынка происходили в тесной взаимосвязи с развитием плановой централизованной экономики. В результате формировалась единая экономическая система, в которой централизованное распределение и рынок сосуществовали в тесном союзе. Вторая часть книги — «Неизбежность рынка» — охватывает период карточной системы 1931–1935 годов и рассказывает о том, как советское общество пережило тяжелейшее время первой пятилетки и вступило в относительное благополучие середины десятилетия. Огромную роль в снабжении населения в период карточной системы играл рынок.

Экономическая необходимость и, следовательно, неизбежность рынка определялись прежде всего избирательностью государственного снабжения. В условиях острого продовольственного кризиса Политбюро, не имея возможности обеспечить всех, пыталось кормить индустриальный авангард, оставляя других на произвол судьбы. Другой причиной необходимости рынка являлась скудость государственного снабжения, которая создавала иерархию в бедности. Даже привилегированным потребителям, за исключением небольшой группы советской элиты, государство не обеспечивало сытой жизни. В период карточной системы государственное снабжение обрекало городское население на полуголодное существование, а сельское — на голодную смерть. Рынок спасал людей.

¹ Обозначения типа 1927/28 указывают на один хозяйственный/финансовый год, в то время как обозначения типа 1927–1928 указывают на два календарных года. До 1931 года учет статистики народного хозяйства в СССР велся по хозяйственным годам, которые начинались 1 октября. По истечении 1929/30 хозяйственного года был добавлен особый квартал (октябрь — декабрь 1930), и с 1931 года учет стали вести по календарным годам, которые начинались 1 января.

В развитии рыночных отношений участвовали две силы: власть и люди. Кризис заставил Политбюро провести в конце первой пятилетки реформы. Среди них: переход к более умеренному и сбалансированному планированию, снижение экспорта продовольствия и сырья, стимулирование развития так называемого колхозного, а по сути крестьянского рынка и подсобных хозяйств¹. Однако реформы не затронули основ политэкономии социализма — недопущение частной собственности на средства производства, крупного частного предпринимательства и найма рабочей силы. Экономическая необходимость рыночных отношений в сочетании с приверженностью власти к политэкономическим догмам определили сложность взаимоотношений государства и рынка: Политбюро, с одной стороны, в своих целях создавало рынок, предоставляя некоторую свободу предпринимательства людям, с другой стороны, разрушало его, подрывая частную инициативу антирыночными кампаниями и законами.

Правительственные декреты легализовали определенную часть рыночных отношений и стимулировали их развитие. Однако главным двигателем в развитии рынка были не декреты, а предприимчивость людей. В условиях скудного и избирательного государственного снабжения людям приходилось самим заботиться о себе. В голодные годы они изобрели множество способов выжить. По мере улучшения продовольственной и товарной обстановки в стране способы выживания в рыночной деятельности все более замещались способами обогащения. К концу карточной системы, в относительно благополучные 1934–1936 годы, рынок скорее представлял собой арену частного предпринимательства, нежели спасительный оазис.

Рынок в плановой централизованной экономике был специфическим. Его своеобразие определялось в первую очередь развитием в условиях крайне ограниченной экономической

¹ Участие государства в развитии рыночных отношений не ограничивалось лишь ослаблением антирыночных мероприятий и проведением половинчатых реформ. Государственные валютные магазины «Торгсин» (18 июля 1930 — 1 февраля 1936), которые обслуживали иностранцев и советских граждан, свидетельствуют о крупномасштабной государственной предпринимательской деятельности. Подробно см.: *Осокина Е.* Золото для индустриализации: Торгсин. М., 2009; *Она же.* Алхимия советской индустриализации. Время Торгсина. М., 2019.

свободы. Легальное экономическое пространство, отведенное ему государством, оставалось узким. В результате не экономическая свобода, а товарный дефицит и голодный покупательский спрос были главными двигателями развития рынка. Как гриб, растущий в тесноте под стволом упавшего дерева, предпринимательство и рынок приспосабливались к централизованной экономике, нередко принимая уродливые формы.

Лишь небольшая часть рыночных отношений развивалась в форме разрешенного правительством легального рынка, включая индивидуальные кустарные промыслы, мелочную торговлю со строго определенным ассортиментом товаров, частную практику при наличии патента, а также колхозный рынок, где продавалась продукция, выращенная в подсобных хозяйствах крестьян и горожан, и колхозная продукция, оставшаяся после выполнения государственных заготовок. Законодательство регулировало размеры частной активности, которая могла быть только мелкой индивидуальной деятельностью.

Но в условиях острого товарного дефицита и голодного спроса преграды, которые законодательство ставило на пути частной инициативы, не могли остановить развитие рынка. Он явно не умещался в прокрустовом ложе политэкономии социализма. Легальный рынок был только видимой вершиной айсберга. Его подводную часть составлял необъятный черный рынок. Под вывесками государственных, общественных, кооперативных учреждений, под прикрытием патентов на индивидуальную деятельность, колхозной торговли, шефских отношений развивалось частное предпринимательство. Формы экономической мимикрии частного капитала, который маскировался под социалистическое производство и торговлю, были разнообразны. О них расскажет эта книга.

В большинстве своих проявлений черный рынок являлся криминальным лишь с точки зрения социалистического антирыночного законодательства. Ограничение экономической свободы превращало огромную часть нормальных рыночных отношений в подпольные, незаконные. Ни крупное, с применением наемной силы, предпринимательство крестьян и кустарей, ни бартер, ни пресловутая спекуляция — перепродажа товаров с целью получения прибыли — не считались бы преступлением

в обществе рыночной экономики. Понятия законного и незаконного в социалистической экономике были относительными и изменчивыми. Они определялись центральной властью в зависимости от политической и социально-экономической ситуации, а порой зависели и от прихоти местного руководителя.

Деформация рынка в социалистической экономике состояла не только в том, что одной из основных форм его развития стала криминальная, подпольная деятельность. Антирыночные законы и преследования обрекали частное предпринимательство оставаться незначительным, мелким. Расширение частной деятельности было не только экономически затруднено, но и опасно для самих предпринимателей. Фининспекция и карательные органы ликвидировали «фирму» и привлекали ее организаторов к суду, вменяя в вину не только неуплату налогов, но и применение найма рабочей силы, продажу по рыночным ценам, погоню за прибылью. В результате «фирмы» не работали долго, отсутствовал долговременный и стабильный бизнес, большинство сделок носило разовый, случайный характер. Хотя существовали места концентрации подпольных сделок — колхозные рынки, базары, толкучки, но необходимость прятаться вела к распыленности частного предпринимательства. Именно поэтому масштабы рыночной деятельности в советской экономике не поддаются точному определению.

Там, где слабо развито производство, но существует голодный покупательский спрос, большие прибыли приносит перепродажа товаров, поэтому черный рынок в социалистической экономике приобретал все более спекулятивный характер. Гипертрофия перепродаж представляла еще одну деформацию рыночных отношений в плановом хозяйстве. Спекуляция являлась одним из наиболее распространенных экономических преступлений 1930-х годов. Черный рынок паразитировал на социалистическом хозяйстве, выкачивая сырье и товары из сферы легальной экономики — государственных магазинов, мастерских кустарей, колхозов и личных хозяйств крестьян.

Государство было не в состоянии подавить огромный черный рынок. Он не исчезал при появлении грозных постановлений и проведении репрессий, а изобретал новые формы мимикрии. Антирыночные акции не уничтожали рынок, а уродовали его.

Однако государство не могло и оставить черный рынок в покое. Антирыночная политика, малоэффективная, а то и просто бесполезная, стоила больших средств. Дефицит госбюджета усугубляли не только прямые расходы на антирыночные мероприятия, но и неуплата налогов предпринимателями, хищения государственного сырья и товаров, которые утекали на черный рынок. Ограничение частной инициативы имело и долговременные последствия. Оно увековечивало товарный дефицит и кризисы снабжения в социалистической экономике, а те, в свою очередь, питали черный рынок и спекуляцию.

Благодаря частичным экономическим реформам, проведенным на рубеже первой и второй пятилеток, страна преодолела голод. В 1935–1936 годах отменили карточки, закончилось время закрытых пайковых распределителей, наступило время открытой торговли. Советская историография всегда противопоставляла открытую торговлю второй половины 1930-х годов карточкам первой половины десятилетия. Третья часть книги — «Союз распределения и рынка» — показывает, что переход к открытой торговле не внес принципиальных изменений в систему снабжения населения.

Острый товарный дефицит, хотя и ослаб по сравнению со временем карточной системы, сохранялся в годы второй пятилетки и усилился в годы третьей. В условиях дефицита государственная торговля, по сути, оставалась централизованным распределением. Перед войной, к концу третьей пятилетки, централизация усилилась. Стратификация государственного снабжения также сохранялась, хотя и освободилась от крайностей периода карточной системы. Сохранялось и нормирование: хотя пайковая карточная система была отменена, в открытой торговле существовали «нормы отпуска в одни руки».

Открытая торговля второй половины 1930-х годов не избежала и товарных кризисов¹. Во время кризиса 1936–1937 годов,

¹ Впервые материалы о кризисах снабжения второй половины 1930-х годов были опубликованы автором в статьях: Люди и власть в условиях кризиса снабжения 1939–1941 гг. // Отечественная история. 1995. № 3; Кризис снабжения 1939–1941 годов в письмах советских людей // Вопросы истории. 1996. № 1; Легенда о мешке с хлебом: кризис снабжения 1936–37 гг. // Отечественная история. 1998. № 2.

который сопровождался локальным голодом в деревне, и предвоенного кризиса 1939–1941 годов в стране стихийно возродилась карточная система на продажу хлеба. Таким образом, карточки, официально признанные руководством страны или распространявшиеся вопреки его желанию решениями местной власти и по инициативе людей, сопровождали все предвоенные пятилетки.

В период открытой торговли второй половины 1930-х годов, коль скоро сохранялся острый товарный дефицит и продолжались кризисы снабжения, рынок по-прежнему играл важную роль в снабжении населения. В рыночной деятельности население использовало те же способы выживания и предпринимательства, что и в период карточной системы. Не изменился и характер рынка — расцвет нелегального предпринимательства, незначительные масштабы частного производства товаров, гипертрофия перепродаж, паразитизм и др. Сохранение этих особенностей рынка определялось тем, что границы легального предпринимательства и в период открытой торговли оставались узкими. Рынку все так же было тесно в плановой экономике, приходилось приспосабливаться, ловчить, паразитировать, нарушать социалистическую законность. Рынок, как и создаваемое им богатство, рос, но сущность его не менялась.

В периоды, когда административный контроль ослабевал и антирыночные мероприятия власти стихали, рынок быстро отвоевывал экономическое пространство у планового хозяйства. Один из примеров — бурное развитие в годы второй пятилетки личного подсобного хозяйства крестьян на основе незаконной частной аренды и даже купли-продажи колхозных земель. Однако частная инициатива процветала до очередной антирыночной кампании Политбюро, которое пыталось, вопреки экономической целесообразности, сохранить безрыночную девственность социализма. Антирыночные акции вели к обострению товарного дефицита на потребительском рынке.

Распределение и рынок, каждый по-своему, влияли на социальную структуру советского общества. Централизованное распределение материальных благ (продовольственное и товарное снабжение, зарплата, квартиры, пенсии и другие виды социального обеспечения) формировало свою социальную иерархию. Позиции в ней определялись близостью к власти и нужностью

для выполнения государственных планов. Однако социальная стратификация, которую формировала государственная система снабжения, представляла иерархию в бедности. Различия в материальном положении групп были невелики, планка богатства располагалась невысоко. Советская элита по материальному уровню жизни значительно уступала богатым людям западного общества.

Рынок также участвовал в формировании социальной структуры. Он улучшал материальное положение людей (в отношении крестьян улучшал весьма существенно, компенсируя скудость государственного обеспечения деревни). Место в иерархии, формируемой рынком, определялось не решениями Политбюро, а личной инициативой и удачей. К концу 1930-х годов доходы частного предпринимательства заметно выросли. Однако в условиях, когда основная рыночная активность развивалась нелегально, богатство, формируемое рынком, обречено было оставаться незаконным, а его «миллионеры» — подпольными¹. В архивах НКВД хранятся дела на подпольных богачей, которые по материальному состоянию не уступали «законной» элите, формируемой системой государственного распределения. О них расскажет эта книга.

В реальной жизни иерархии, формируемые централизованным распределением и рынком, причудливо переплетались, как и силы, которые их формировали. Богатство, создаваемое централизованным распределением и рынком, как существовало параллельно (советская элита и «миллионеры» подпольного бизнеса), так и сращивалось (выгодное положение в системе централизованного распределения давало и преимущества в подпольной рыночной деятельности). В этом сращивании вновь проявился паразитизм черного рынка: «миллионерами» подпольного бизнеса становились в первую очередь работники государственной торговли — директора складов, магазинов, баз, продавцы. Сами они ничего не производили, но имели доступ к государственным товарным фондам, что открывало большие возможности для спекуляции.

¹ Слово «миллионеры» в данном случае не стоит понимать буквально. Оно не показатель размеров состояния, а синоним материального богатства.

Другим проявлением сращивания системы государственного распределения и подпольного рынка стала коррупция. Партийно-советское руководство, работники судебно-следственных органов, органов правопорядка взаимовыгодно обменивались услугами с работниками государственной торговли, которые богатели и повышали свой социальный статус за счет махинаций с товарами. Документы позволяют сказать, что коррупция проникла как в местную власть, так и в центральные ведомства, например наркоматы. Союз распределения и рынка, таким образом, сложился не только в экономике, но и в социально-политической сфере. Централизованное распределение и рынок поистине шли рука об руку в жизни первых пятилеток.